ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

(МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП)

2026-2027 учебный год

возрастная группа (11 класс)

Аналитическое задание

Провести целостный анализ текста – прозаического **ИЛИ** поэтического.

Выполните целостный анализ рассказа **Бориса Зайцева «Ласка»**, приняв во внимание важнейшие аспекты его художественной организации: проблематика и композиция произведения, система персонажей, своеобразие проявления авторской позиции и др.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Борис Зайцев

ЛАСКА

Мы со старшиной очень долго бродили у него в саду. Время зашло за четыре, жар свалил и было очень светло, покойно. У старшины огромнейший сад, – когда мы забрели в дальний глухой его угол, не верилось, что мы в большом селе: тихий воздух, свет, белоснежная борода старшины казались библейским – глубоким, утишающим. Может, старшина и не такой совсем, но тут его речи тихи, он ужасно благообразен и седовлас; и даже в такую Божию благодать и теплынь во всегдашней своей черной чуйке[1].

Выходя, мы почтительно распрощались, он важно снял картуз и приветливо гладил бороду. «Не извольте беспокоиться, все будет. Все устроим как надо».

А мой Орлик танцевал слегка на привязи, над ним вьются золотые мухи, гнедизна[2] его тоже отливает золотистым – какой милый конек! Всего три года, он еще тоненький, но видна уже порода и благородство – вон как он вздрогнул, всхрапнул прозрачно-розовой ноздрей. Но-но, но-но-о... Шажком. Шаг у него воздушный – чуть-чуть, точно боится обидеть землю ударом: легенький-легенький, весь на пружинах.

Мальчик. Откуда такое? Как будто Ивана Ильича мальчишка. Да, просить заехать. Как же, помню. Нынче у него доктор этот будет – Иван Ильич, деревенский клуб. «Что ж, садись, дядя, подвезу!»

Дяде-то всего лет десять, сопливый несколько, и имя такое: Савоська. Однако, малый не дурак и даже в своем роде мил.

Р-раз, вспрыгнул на задок дрожек, как тушканчик-заяц, сидит смирно, занятно ведь на дрожках прокатиться. Рысью, с барином, да через все село!

[1] устар. старинная мужская верхняя одежда в виде длинного суконного кафтана, распространённая в мещанской среде

[2] это гнедая масть лошади, то есть особенности её окраса, а именно: коричневый (рыже-бурый) цвет шерсти на теле в сочетании с чёрной гривой, хвостом и нижней частью ног.

Вот тут у них школа; за ней прудик, ракитки, и далеко видно, очень далеко. Сады старшины темно зеленеют плотной массой, но там, за светлым прудом далекий полукруг горизонта; хлеба, небо. И вот сейчас, пока мы едем, все это обтекают светлой волной лучи; мягко-мягко они льют себя, свою любовь и прелесть на траву, пруд, ветлы, барышню на крылечке; победно блистают в стекле. Это июньская благодать, – да, я уверен, солнце мирволит нам и верно лучи посмеиваются, нагревая худенькую пупуньку моего Савоськи.

Иван Ильич, конечно, рад: можно поговорить, пофилософствовать и выпить чайку на крылечке. Здесь у него самая середка села; вот мы сидим за безногим столиком, тянем чай, – а вокруг, по селу, потихоньку идет своя жизнь! Бабы белят холсты на мураве, гуси щиплют травку, медленно бредет пьяный и над дорогой тихо золотится пыль. А к Ивану Ильичу, несмотря на мирный час, беспрерывно идут – то один, то другой. Он сияет, лоснится, и кажется, это играет в нем все тот же горячий чай, что вливает он в себя чуть не с полудня.

Кто же, все-таки, этот доктор, о котором он мне говорил? – Доктор? Неужели не знаю? Да не может быть! Лыжин, объездной такой доктор, за шпитонками[3] смотрит – чудак большой руки, а человек хороший, ничего сказать нельзя – хороший. «В особенности лошадок любят; да и так очень добры – ко всем-с». Да, да, замечаю, вон там запылило по дороге, дрожечки как у меня и фигура мешком, земская фигура.

«Они уж мимо нас никогда не проедут-с, у них так заведено».

Что ж, пока мы распиваем чай, он там будет опрашивать питомиц, разных белобрысых пигалиц, Сенек, Ванек. Издали видно, как шагает медведем, – а там дальше старая церковь, облупилась слегка даже, крест выхвачен золотом и вокруг зигзагами ласточки. Почему они любят так эти сияющие кресты? Верно, весело их ласточьим душам реять в воздухе вокруг такой чудесно золотой штуки.

«Они уж давно вашего Орлика насматривают, потому – много наслышаны».

Наконец, мы и допили; и он бредет, тюлень. «Вы погромче, они на ухо туговаты». Что же, если хороший человек, можно и горло поутрудить.

Да впрочем, понимает, все же, довольно славно, – привык, должно быть, – по губам. Глаза маленькие, умно-добрые, и такая улыбка: сразу как улыбнулся – открыл себя до самого нутра; и захотел бы спрятаться – не может. Теплом пахнуло и что-то незабудочье было в глазах. «Рад познакомиться, знаете ли, тут живешь-живешь бок о бок...» Я тоже очень рад, разумеется. Что же, все в разъездах? Да, конечно, ездить много приходится, ну, да это что! Работать привык. Всю жизнь на ногах – да и работа хорошая. Вот раньше служил, – в болотах дело было, так даже уши потерял. Тут-то еще ничего. Ездишь, ездишь, всего все равно не выездишь, а ведь какая страна-то! И все тебя знают, смотришь, наблюдаешь.

[3] Шпитонки (или шпитоны) — это народное, искажённое слово от «воспитанники» (или «воспитанницы»). Так в дореволюционной России называли детей-сирот, подкидышей и незаконнорождённых младенцев, которых брали на воспитание из воспитательных домов.

Рассказывает охотно. И народ любит. Есть в нем такая нотка, глубокая, с трепетом. «Их узнать надо, знать, да, тогда поймешь. И вот, – на моих глазах растут. Пробуждаются, знаете ли, растут!»

Ах, доктор, доктор, такой толстый, пыльный, со вспотевшими вихрами – я вижу вас в деревне! Да и не в одной деревне, – вы кружите на своих дрожечках по всему уезду, и всюду вы такой же теплопахнущий и рассказываете вольные мысли, как древние «братья» в посконных рясах. И так же даже детей лечите, и любите детей, только милостынку не сбираете; впрочем, верно очень голы, как-никак. Ну, вот, дошло и до Орлика дело. Хороший конек? Конечно, недурен. Это, кажется, по вашей части. Встал, надел полотняный картуз, через плечо сумка – к Орлику. Орлик не отпрянул – хорошего человека видно за версту. Улыбнулись друг другу, доктор треплет его по шее. «Хорошее созданье, страсть люблю лошадей! Только чтоб кузнец не заковал, – анафемы эти кузнецы!» Обхаживает, оглядывает Орлика, заглянул в рот. «Вот и мой – тоже неплохая лошадка. Знаете, едем иной раз в поле, – вижу, устал, – я сейчас разнуздываю, подпругу отпущу, попасется, а сам сижу, любуюсь: когда лошадь ест, ужасно это хорошо».

Так он говорит, а я сижу, смотрю. Конечно, это ему идет; такой он и есть: наверно, сам корм задает, разводит садик какой-нибудь, любит детишек, и понятно, у самого ребят куча. «У них лошадям приволье, у них легко, никогда даже пбру нет». «Пбру!» Само собой понятно. Иван Ильич хихикает, и в лоснящихся его щеках играют вечерние лучи.

Прощайте, однако, доктор, до свиданья, Иван Ильич, – надо трогаться. Доктору тоже надо. Мы дружески жмем руки и садимся на дрожки. Несколько времени едем вместе, потом он сворачивает. Вон забелел его парусинный пиджак, пыль зазолотилась над ним – укатил эскулап!

А Орлик мой не торопится; да и правда, хорошо идти трусцой по широченной улице, мимо зеленой травки, ветел, холстов, – проезжая мирное сердце деревни. И ведь вот, бегают ребятенки, – что в них? Обыкновенные ребятки, кричат: «Барин, барин, дай копеечку!» – потом, когда подъеду к околице, высыпят как воробьи, унижут все прясло, самую околицу, – заскрипели, поехали! Тут уж надо леденца, непременно, это старый обычай.

Дальше – будут они встречать скот, будет пахнуть молоком, коровами и глубокое благообразие посетит деревню: после долгого, Божьего дня с трудом и честной жизнью настанет час отдохновения, все они будут ужинать.

Но, но-о, вперед, Орленок, не робей, это просто-таки мостик, чего грустишь? Ну, конечно, переехали, да и в горку подымемся без всяких хитростей. Видишь, вон – гуляют: «учительша», поповна, молодой богослов, ученик землемерный. Это, брат, по всей вероятности любовь. Надо думать, что так. Видишь, как томно выступает учительша, под мышкой у ней умная книжка, что-нибудь старое и благородное. Вот она вспыхивает вся от

смеха, смех сквозит в каждой жилке молодого ее лица. Очевидно, землемер острит что-нибудь – уничтожающе, насчет предрассудков, стариков. Здесь, в светлый летний вечер он прав, и тысячу раз будут они правы, если зайдут далеко в рожь, будут петь, рвать васильки, мечтать, смотреть, как мушки золотятся в солнечных лучах. И благо будет им, когда позже, в смутной дымке, дойдут домой – медленно и значительнее, и над речкой, в благоухании, в легком тумане, будут целоваться.

А нам можно и рысью. Мы поедем безмерным морем ржей, в синеющем сумраке; временами козодой взовьется с дороги и прореет над нами с тобой, Орлик, – ты не пугайся. Он нестрашный, козодой, он только смешной какой-то, бесшумный. Покружит, покружит и сгинет в зеленой мгле, – а ржи ведут свой тихий говор, колышатся, ходят, точно думают что-то по-своему над колыбелью.

В этот вечерний час нужно быть чутким: в безмолвии нив, у истоков – можно подслушать и полюбить нечто. И не нужно разговоров, встреч, людей. Там сзади осталось село, сады, старшины, доктор, мужики, учительницы, молодежь; пусть живут они там в мире и радости: здесь, направо, налево, лежат тоже села, и так же теплятся в них жизни – неугасимыми лампадами. Мы будем ехать тихо, тихо, – в благоговении, и молчать пред равнинами, небом и Богом, которому одному лишь доступна полная радость. Потихоньку, мой Орлик, не фыркай! Ничего не бойся, шагай без страху по этой земле – она наша. Мы любим ее.

1906 г.

Выполните целостный анализ стихотворения **Ильи Эренбурга «Чтоб истинно звучала лира…»**, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: особенности композиции, изобразительно-выразительных средств, своеобразие строфической и синтаксической структуры текста.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

Илья Эренбург

ЧТОБ ИСТИННО ЗВУЧАЛА ЛИРА…

Чтоб истинно звучала лира,
Ты должен молчаливым быть,
Навеки отойти от мира,
Его покинуть и забыть.

И Марс, и Эрос, и Венера,
Поверь, они не стоят все

Стиха ослепшего Гомера
В его незыблемой красе.

Как математик логарифмы,
Как жрец законы волшебства,
Взлюби ненайденные рифмы
И необычные слова.

Ты мир обширный и могучий
С его вседневной суетой
Отдай за таинство созвучий,
Впервые познанных тобой.

Ты не проси меча у Музы,
Не уводи ее во храм
И помни: всяческие узы
Противны истинным певцам.

Пред Музой будь ты ежечасно,
Как ожидающий жених.
Из уст ее прими бесстрастно
Доселе не звучащий стих.
1911 г.

Творческое задание

Представьте, что вас пригласили в рабочую группу по подготовке телевизионного подкаста «Говорящие предметы русской классики». По сценарию программы историю, представленную в художественном тексте, будет рассказывать не главный герой или автор, а предмет. Напишите монолог вещи из любого произведения русской литературы 19-20 вв. Она рассказывает о себе: как она попала к своему хозяину; что она «видела» и «слышала» в ключевых сценах; как она относится к герою; что она хотела бы изменить в его судьбе и т.д.

Ваша работа должна представлять собой цельный связный текст объемом примерно 150-160 слов.